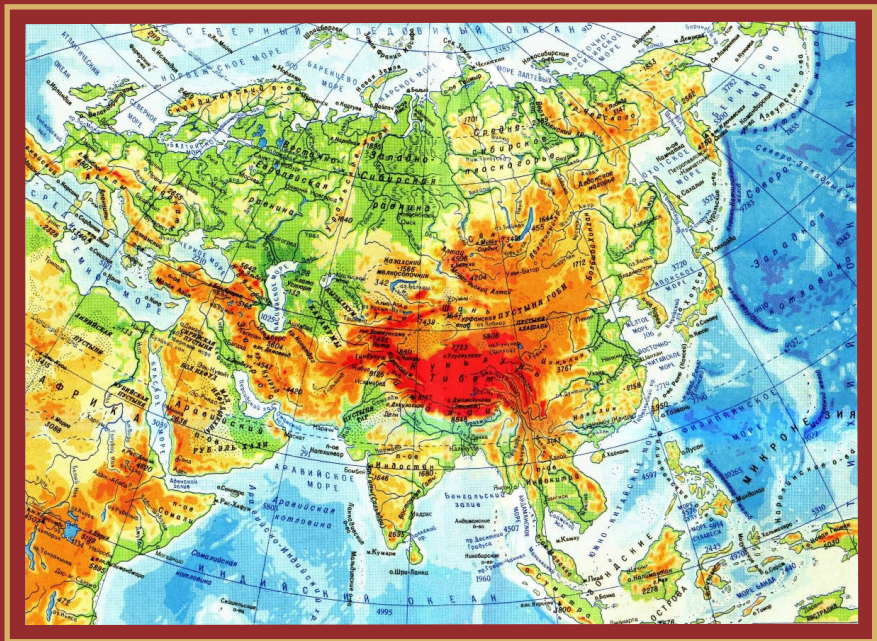

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ СТРАН
СОВРЕМЕННОЙ АЗИИ И АФРИКИ**

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ СТРАН СОВРЕМЕННОЙ
АЗИИ И АФРИКИ**

*ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО СОВЕТА
ВОСТОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА СПбГУ*

*РЕКОМЕНДОВАНО УЧЕНЫМ СОВЕТОМ ВОСТОЧНОГО
ФАКУЛЬТЕТА СПбГУ В КАЧЕСТВЕ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ*

Санкт-Петербург

2011

**КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ ПОДГОТОВЛЕНА
И ИЗДАНА ПРИ ПОДДЕРЖКЕ СПБГУ**

**ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ УЧЕНОГО СОВЕТА
ВОСТОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Редакционная коллегия:

Е.И.Зеленев (председатель), В.В.Бочаров, Н.Н.Дьяков, А.Ю.Желтов, В.Б.Касевич,
В.Н.Колотов, А.В.Ляхович (отв.секретарь), А.В.Образцов, Н.А.Самойлов,
А.Г.Сторожук

Рецензент

к.и.н., М.Е. Резван — заведующая отделом этнографии Центральной Азии Му-
зея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

О-75

*Основные тенденции политического и экономического развития
стран современной Азии и Африки. Коллективная монография. /
Отв. ред. В.Н.Колотов. – СПб.: СПбГУ, Восточный факультет;
Изд-во «Студия НП-Принт», 2011. – 368 с.*

АННОТАЦИЯ

В коллективной монографии представлены результаты исследований общих и особенных закономерностей политического и экономического развития стран современной Азии и Африки. Издание оригинального научного исследования, не имеющего аналогов не только в отечественном, но и в мировом востоковедении, позволит понять направление и характер эволюции стран Востока в указанных сферах. По данной проблематике в течение многих лет на Восточном факультете СПбГУ читается курс «Социально-политическая система и экономика изучаемой страны». Материал разбит по следующим разделам: Центральная Азия, Северная Африка, Ближний Восток, Южная Азия, Дальний Восток, Юго-Восточная Азия. Авторы настоящей коллективной монографии хорошо известные петербургские востоковеды и молодые перспективные ученые. Для востоковедов, широкой общественности, интересующейся историей стран современного Востока.

*Руководитель проекта и отв. редактор: проф.,
д.и.н. Колотов Владимир Николаевич*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Центральная Азия

- Алексеев А.К.* Таджикистан и Узбекистан: общее и частное в политическом и социально-экономическом развитии в постсоветское время (1991 — 2009).....6
Григорьев С.Е. Афганистан в 1901 — 1973 гг.38

Северная Африка и Ближний Восток

- Герасимов И.В.* Средства массовой коммуникации (СМК) Судана в социально-политическом контексте (2000-2010 гг.) 67
Дьяков Н.Н. Религиозные братства в социально-политической системе арабского Магриба в Новое и Новейшее время.....87

Южная Азия

- Котин И.Ю.* Индия и ее диаспора. Взаимодействие и конфликт 114
Смирнова Е.В. Индусские и мусульманские политические партии Индии: история и проблематика межконфессионального конфликта 132

Дальний Восток

- Булацев С.Х.* Доместицизм и иерархичность: соотношение существенных характеристик современного японского общества 148
Курбанов С.О. Корейский полуостров и вопросы безопасности в Восточной Азии162
Кычанов Е.И. Национальная политика КНР172
Мыльникова Ю.С. Правовое положение женщин в Китае: в прошлом и настоящем.201
Мясищев С.Е. Социально-политическая система КНР в XXI в.: реалии и перспективы 223
А.В. Попов. Россия во внешней политике и международных отношениях современной Монголии (Конец XX — начало XXI в.).....230
Филитов А.В. Социально-политические устои современной Японии и тенденции развития261

Юго-Восточная Азия

- Кириллова Н.В.* Дева-раджа: символика культа бога-короля в тайском обществе на рубеже XX-XXI вв.274
Колотов В.Н. Вьетнам между США и КНР: Историко-политологический анализ современной геополитической ситуации в регионе289
Пугачева Е.В. Наркобизнес в механизме функционирования политических решений Таиланда306
Пылева А.И. Роль двусторонних контактов Франции и Королевства Таиланд в развитии современных отношений ЕС и АСЕАН.....328
Тюнь Г.Т. Экономическое развитие и политические партии Индонезии после Сухарто350

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Алексеев Антон Кириллович — кандидат исторических наук, доцент кафедры Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета СПбГУ. Сфера научных интересов: традиционные верования, этнография, социально-экономическая и политическая история народов Ирана, Центральной Азии и Кавказа. Автор более 50 работ по указанной проблематике.

Булацев Сергей Хазбиевич — старший преподаватель кафедры японоведения Восточного факультета СПбГУ. Род. в 1965 г. в Орджоникидзе (ныне Владикавказ). Сфера научных интересов: история культуры Японии (традиционные искусства; институты социализации), история литературы (новое время), издательское дело в Японии.

Герасимов Игорь Вячеславович — востоковед-историк, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего Востока Восточного факультета СПбГУ.

Григорьев Сергей Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего Востока Восточного факультета СПбГУ. Специализируется в изучении проблем развития, истории, религий и культуры Афганистана и стран Центральной Азии.

Дьяков Николай Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Ближнего Востока Восточного факультета СПбГУ. Автор более 140 публикаций, в т.ч. монографий, статей, рецензий, учебных пособий по политической и религиозной истории арабских стран, истории и культуре мира ислама, по проблемам российско-арабских отношений.

Кириллова Наталья Владимировна — востоковед, аспирант Восточного факультета СПбГУ, преподаватель кафедры истории Дальнего Востока Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета.

Колотов Владимир Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ, директор Института Хо Ши Мина, член РНК АТССБ. В 1994 г. закончил Восточный факультет по кафедре китайской филологии и кафедре истории стран Дальнего Востока. Автор более 80 научных работ по истории, политике, религиям и безопасности ЮВА.

Котин Игорь Юрьевич — профессор Восточного факультета СПбГУ, доктор исторических наук, доктор философии (Оксфорд), автор 10 монографий и более 60 статей и других научных публикаций.

Курбанов Сергей Олегович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ, директор Центра корейского языка и культуры СПбГУ (с 2002 г.), редактор научных изданий: «Вопросы истории Кореи» (с 2002 г.); «Вестник центра корейского языка и культуры» СПбГУ (с 2003 г.), председатель Общества российско-корейской дружбы (Санкт-Петербург, Северо-Запад). Автор более 90 научных работ на русском, английском и корейских языках, в том числе четырех монографий: «Северокорейские дневники» — Сеул: Хангук к нчже синмунса, 1990; «Курс лекций по истории Кореи: с древности до конца XX в». — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002; «Конфуцианский классический 'Канон сыновней почтительности' в корейской трактовке» — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007; «История Кореи с древности до начала XXI века». — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009.

Кычанов Евгений Иванович — востоковед, доктор исторических наук, профессор Восточного факультета СПбГУ, главный научный сотрудник Института восточных рукописей РАН.

Мельникова Юлия Сергеевна — аспирант кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ, научный руководитель – проф., д.и.н. Е.И. Кычанов.

Попов Антон Владимирович — доцент кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ. Родился 3 декабря 1960 г. в Ленинграде (Санкт-Петербурге), востоковед-историк, в 1983 г. окончил отделение истории Китая и Монголии кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета. Кандидат исторических наук, автор 30 научных публикаций. Сферы научных интересов и преподавательской деятельности: история, география и культура Монголии; история китайско-монгольских отношений; Россия и Монголия.

Пугачева Екатерина Владимировна — аспирант кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ, научный руководитель, д.и.н. проф. В.Н. Колотов. Сотрудник аналитического отдела организации по правам человека «ALTSEAN» (Alternative ASEAN Network on Burma), Бангкок, Таиланд.

Пылева Анастасия Игоревна — аспирант кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ, научный руководитель, д.и.н. проф. В.Н. Колотов. Общее количество публикаций: 13 (из них три — в печати). Соавтор монографии «Россия-Таиланд: история взаимоотношений (XIX — начало XXI века)». — СПб.: СПбГУ, 2011 (совместно с д.и.н., проф. Б.Н. Мельниченко). Научные интересы: история отношений Франции и Королевства Таиланд; российско-тайландские отношения в новое и новейшее время; история Таиланда в средние века и новое время.

Смирнова Екатерина Викторовна — кандидат исторических наук, исследователь в области истории и этнографии Индии, преподаватель, ассистент Восточного факультета СПбГУ.

Тюнь Галина Тойвовна — доцент кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ, кандидат исторических наук. Преподает курсы по истории Нусантары, истории Индонезии и Малайзии, спецкурсы по проблемам китайского населения — хуацяо — в регионе, а также разделы средневековой и новой Истории стран Азии и Африки на историческом факультете СПбГУ.

Филиппов Александр Викторович — род. в Ленинграде в 1962. В 1984 закончил Восточный факультет ЛГУ. С 1989 — кандидат исторических наук, в 1998 получил звание доцента. С 2003 — доктор исторических наук. С 1987 — преподаватель кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ, с 2008 по настоящее время — кафедры японоведения. Научные интересы и основная тематика преподавательской деятельности: история, география, культура, политика, экономика, право Японии; этнопсихология и этнические стереотипы поведения японцев; Россия и Япония; японский язык.

Филиппов А.В.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТОИ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Основные черты социально-политических, а также и экономических устоев Японии сегодня определяются положениями Конституции 1947 г. Значительный отпечаток на специфике структур общества оставили американская оккупация, «экономическое чудо» и период бурных темпов роста. Не прошли бесследно и несколько «скачков йены» (укрепившие позиции национальной валюты), оказавшись одним из весомых стимулов для очередных витков в перестройке японской экономики. Даже не затрагивая смены приоритетов на новые отрасли при сворачивании старых, невозможно обойти вниманием переход от высоких темпов роста к средним, отказ от опоры на экспортно-ориентированный ширпотреб во имя развития трудосберегающих и наукоемких направлений производства. Не менее важно обратить внимание на затянувшуюся стагнацию, воцарившуюся в экономической сфере на рубеже веков после буйства «экономики мыльных пузырей». Новым всплеском активности этот этап «плохой конъюнктуры» так и не завершился, плавно погрузившись под волны очередного мирового экономического кризиса уже в нынешнем веке. Пока можно с уверенностью утверждать, что Япония в последние полтора-два десятилетия прочно занимает позиции страны, где жизнь может выглядеть достаточно комфортной благодаря умеренности цен на качественные товары повседневного обихода, произведенные в странах с дешевой рабочей силой.

Политическая система, в общих чертах сложившаяся при оккупационном режиме, обрела заметное своеобразие. В политике на протяжении около полувека господствует Либерал-Демократическая партия (далее — ЛДП) при условном противостоянии Социалистической партии как оппозиции (не способной к превращению в партию правящую). Уникальность этого феномена обеспечило рождение мифа о «полупарламентской политической системе» Японии. Крах амбиций ЛДП в нач. 90-х годов оказался явлением непродолжительным, позиции партии как правящей удалось восстановить очень быстро. Но изменения тех лет внесли черту вариативности в политическую жизнь Японии. При некоторой утрате влияния рядом прежних, ставших уже традиционными партий — появилась целая «палитра» совершенно новых (и часто мелких) политических группировок, крайне разных по своей окраске. Ситуацию, возможно, удалось бы и далее характеризовать как «полупарламентскую систему». Однако, рассмотрению как «не слишком опасной оппозиции» всего «п.строга набора» прочих политических группировок — помешал приход к власти новой политической силы в лице Демократической партии Японии (далее — ДПЯ) во главе с ХАТОЯМА Юкио осенью 2009 г. Насколько сил, и удар по ЛДП покажет время — пока же положение отчасти напоминает историю нач. 90-х гг., когда руководство ЛДП приложило максимум усилий, чтобы опорочить ХОСОКАВА Мориhiro, лидера победившего их нового партийного блока. Нападки с целью доказать «коррупционность» нового премьера Хатояма зазвучали через несколько месяцев, а учитывая малое число предвыборных обещаний — отстоять перед общественностью позиции партии и кресло премьера, судя по всему, оказалось нелегко. Опасения «потерять

лицо» (и желание сохранить положение партии) привели к уходу Хатояма с поста премьера, где его с начала июня 2010 сменил другой деятель той же ДПЯ, 63-летний КАН Наото 菅 直人.

Политическая, социальная и экономическая сферы жизни любой страны неразрывно связаны между собой. Условия экономического существования, как правило, предопределяют тенденции развития социума и господствующих политических тенденций. Поэтому, исходя из посылки, что «бытие определяет сознание», уместно предпринять попытку обрисовать периодизацию развития экономики Японии во второй пол. XX — нач. XXI в. — а затем, опираясь на эту схему, продемонстрировать суть изменений, происходивших в политической и социальной жизни страны.

Периодизация развития японской экономики во второй половине XX — начале XXI в., может быть отображена предлагаемым ниже чередованием этапов взл. та и падения экономической конъюнктуры. Учитывая, что мировое сообщество доныне пребывает под впечатлением от японского «экономического чуда» — думается, данная периодизация будет небезынтересна. В частности, из не, явственно следует, что так называемое «экономическое чудо» стало лишь одним из этапов картины сложных коллизий, пережитых страной за полвека с небольшим. За пределами Японии циклично-стадиальное развитие японской экономики в деталях почему-то освещается весьма редко — тем не менее попытаемся предложить его вниманию читателя.

1) Послевоенный восстановительный период 1945-1955. К нему относятся стадии послевоенной разрухи 1945-1952, экономический бум на фоне американских спецзаказов в годы корейской войны 1950-1953, период послевоенного восстановления 1950-1955.

2) I-ая стадия высоких темпов роста 1955-1965. Строго говоря, это подготовительный период, не всегда относимый ко временам «высоких темпов». Но на этот временной отрезок приходится два экономических бума — «процветание Дзимму» 1955-1957 и «процветание Аматэрасу, покинувшей Небесный грот (Ивато-кэйки)» июнь 1958 — декабрь 1961, отделенных друг от друга кратким периодом стагнации «до дна кастрюли (наб-фук,)» на рубеже 1957-1958. Именно длившийся непрерывно 42 месяца Ивато-кэйки — первый длительный период высокой конъюнктуры, однозначно относимый к «высоким темпам роста».

3) II-ая стадия высоких темпов роста 1965-1970. Темпы роста экономики составляли около 10%. К этому времени относятся конъюнктурный взрыв 1963-1964 (подготовка Олимпиады в Токио 1965); кратковременный спад на фоне страхового обвала 1964-1965; «процветание Идзанаги» 1966-1970. Более классический подход к датировке периода «высоких темпов роста» японской экономики — чаще выражают датировкой 1960-1973.

4) 18-летний период стабильного роста 1973-1991. Темпы роста экономики составляли около 3-6%. К данному периоду относятся два «нефтяных шока» 1973 и 1979; Plaza Accord (заключенное в сент. 1985 в отеле Плаза в Нью-Йорке соглашение о стабилизации валютных курсов); спад на фоне «высокой йены» 1983-1987; конъюнктурный всплеск экономики «мыльного пузыря» 1986-1991.

5) «Потерянное десятилетие», известное и как «стагнация годов Хэйсэй» 1993-2002 — этап, пришедший вслед лопнувшему «мыльному пузырю». Страна вступила в затянувшийся период «плохой конъюнктуры» фукэйки, который невзирая на последовавший за ним 5-летний период оживления экономики — можно считать про-

должающимся по сей день. Темпы прироста ВВП, начиная с 1991-1992, когда его постоянное сокращение уже началось, и почти до наших дней — можно привести в виде нижеследующей таблицы.

1991	3,4%	1997	1,6%	2003	1,4%
1992	1%	1998	—2%	2004	2,7%
1993	0,2%	1999	—0,1%	2005	1,9%
1994	1,1%	2000	2,9%	2006	2%
1995	2%	2001	0,2%	2007	2,4%
1996	2,7%	2002	0,3%	2008	—0,7%

6) «Процветание Идзанами», январь 2002 — ноябрь 2007 — длилось 69 месяцев. Несмотря на позитивное восприятие этапа как экономического подъема — темпы роста в 1-2% (см. вышеприведенную таблицу) вряд ли способны создать стойкую иллюзию подлинного бума.

7) Мировой финансовый кризис 2007-2010, известный и как «рецессия конца 2000-х годов». Несмотря на легкое оживление экономики при «буме Идзанами» — представляется, что период спада и «дурной конъюнктуры», накрывший Японию с 1993, длится по сей день. В таком случае, скоро будет уместно говорить не о «потерянном десятилетии», а о «двух потерянных десятилетиях».

Исходя из вышеизложенной картины, питать иллюзии о благополучии японской экономики сегодня — представляется совершенно неуместным. Детали, определявшие развитие страны на наиболее важных этапах — излагаются далее в тесной связи с тенденциями политической жизни.

* * *

Складывание экономической и административно-политической системы современной Японии, если оставить в стороне национальную специфику, поведенческие особенности и нюансы менталитета — связано со временами американской оккупации по окончании II мировой войны. Директивы Штаба оккупационных войск, возглавлявшегося Дугласом Макартуром, определяли развитие Японии тех лет и оставили неизгладимый след в ее истории. Оккупационный период принято делить на два этапа. Первый, обычно именуемый ранним периодом оккупации, продолжался до 1948-49 гг. Его специфику предопределило стремление навсегда лишить Японию военно-экономического и политического потенциала, способного составить угрозу для США. Лейтмотивом, лозунгом раннего периода оккупации стало «Три Д»: демилитаризация, демократизация, декартелизация. В результате чего в ряде сфер были достигнуты «успехи», от которых не удалось избавиться и в дальнейшем, когда позиция американцев изменилась. Так, вступившая в силу в 1947 новая японская Конституция декларировала отказ от права страны на войну и содержание вооруженных сил. Та же Конституция позволила японскому обществу стать весьма демократичным и с точки зрения политического разнообразия, и с точки зрения равенства мужчины-женщины и т.п. Воплощение принципов декартелизации привело к фактическому уничтожению (методом разукрупнения, разрушения корпоративных связей) мощных корпораций дзайбацу, на которые в значительной мере возлагают ответственность за ведение II мировой войны.

Вторым этапом оккупации стал «обратный курс», начало которого связывают с 1948-49 гг., а завершение с окончанием американской оккупации в 1952 по итогам мирного договора, заключенного в 1951 г. на конференции в Сан-Франциско (не подписанного СССР). Мотивом для перехода к «обратному курсу» стало изменение политической обстановки в Юго-Восточной Азии. Если до 1948 г. США надеялись видеть верным партнером в регионе Китай, то в 1948-49 гг. ситуация кардинально изменилась. В канун образования КНР стало ясно, что силы Гоминьдана, главного противника Компартии Китая (видевшиеся ранее партнером США), уйдут с территории континентального Китая на Тайвань. США на длительную перспективу утратили мощную и надежную опору в Юго-Восточной Азии. Но потребность в надежном партнере, на которого можно опираться при проведении американской политики в регионе — была налицо. Чаяния США обрести такового — привели к смене позиций в отношении Японии. Соответственно, общие ориентиры «обратного курса» состояли и в отказе от демократизации, и в надежде превратить новую Японию в верного партнера (в том числе и на пути военных и политических авантур США в Восточной Азии). Но попытки пересмотра Конституции 1947 г. — безрезультатны по сей день, а устремления к «ремилитаризации» Японии увенчались лишь созданием в 1954 Сил Самообороны на основе Резервного полицейского корпуса, появившегося в 1950. Впрочем, удалось сделать Японию экономическим партнером и опорой в корейской войне. Американские спецзаказы тех лет, ремонт спецтехники и снабжение американских войск впервые по окончании II мировой войны смогли дать толчок к оживлению и подъему японской экономики.

Япония вставала на ноги с огромным трудом. Упадочную ситуацию послевоенных лет можно обрисовать как «пассивный саботаж» японских предпринимателей в ответ на все попытки американцев сподвигнуть их хотя бы на уровень самообеспечения. Бесплатные фонды «помощи оккупированным территориям», как и любая гуманитарная помощь, вели к обогащению неизвестных лиц, не принося конкретных экономических результатов. Однако, к реальным сдвигам в развитии подтолкнули визиты двух американских советников, прибывших для изучения положения в стране. Улучшение ситуации в японской экономике связывают с «линией Доджа» и «миссией Шоупа». Первый, видный американский финансист Джозеф Додж, директор Детройтского банка — став главным финансово-экономическим советником Штаба оккупационных войск, с весны 1949 занялся выработкой мер по стабилизации японской экономики. Второй, профессор Колумбийского университета Карл Шоуп, с мая 1949 занимался подготовкой налоговой реформы, введением прогрессивной шкалы налогообложения и т.п. В итоге прогрессивный подоходный налог и иные меры создали возможность для преодоления инфляции и достижения бездефицитности госбюджета. 7 марта 1949 г. Дж.Додж на встрече с журналистами весьма ярко определил общую направленность экономических преобразований. «Японская экономика стоит как бы на двух ходулях, одна нога которых представляет собой американскую помощь, другая — механизм внутренних субсидий. Если делать большие шаги на ходулях, можно упасть и сломать себе шею». Главная цель состояла в том, чтобы снять-таки японскую экономику с ходуль и поставить на «собственные ноги». В итоге отмена нецелевого субсидирования, переход на жесткое целевое финансирование и кредитование конкретных направлений — несмотря на сложность их внедрения, смогли стимулировать определенную самостоятельность в развитии японской экономики. Отныне речь шла о субсидировании только доходных отраслей и предприятий.

В послевоенный период отношения между Японией и США, вынужденно ставшие партнерскими — ни в коей мере не отличались взаимоприязнью. Принятие решений по важным вопросам в большинстве случаев происходило на основе ультимативных указаний американской администрации. Ситуация начала меняться только в 1961, с появлением на политической арене в качестве посла США в Японии Эдвина Рэйшауэра (1910-1990). Родившись в Токио, там же в 1927 он закончил Американскую школу. Специальность японоведа получил в Гарварде под руководством приглашенного из Франции выпускника Санкт-Петербургского университета Сергея Елисеева (впоследствии С.Елисеев и Э.Рэйшауэр стали известны как отцы-основатели американского японоведения). Продолжил образование в университете Токио и других учебных заведениях. Глубокое понимание Э.Рэйшауэром японской культуры и менталитета способствовали становлению взаимовыгодного диалога Японии и США, заложили основы их дальнейшего политического и экономического сотрудничества. Пребывая на должности посла США в Японии с 1961 по 1966, Э.Рэйшауэр смог добиться невероятного — взаимопонимания и перехода к обоим сторонам эффективному сотрудничеству двух стран. По словам самого Э.Рэйшауэра, он искал пути восстановления «прерванного диалога» двух стран и, в конечном итоге, именно его дипломатия привела в 1972 к возвращению Окинава под японский флаг. Но деятельность в качестве посла США оставила на судьбе самого Э.Рэйшауэра и прискорбный отпечаток. В марте 1964 юный японец, страдавший психическим заболеванием, нанёс ему ранение холодным оружием. Пренебрежение услугами американского госпиталя привело к заражению гепатитом в японской клинике, что в итоге явилось причиной его смерти (спустя два с половиной десятка лет).

Методичные усилия США по возвращению жизнеспособности японской экономике в итоге привели к ожидаемым позитивным результатам. Достаточно быстро начались процессы, которые можно оценить как складывание нового облика страны, имея в виду активное развитие современных отраслей тяжелой и химической промышленности. В середине 50-х годов Япония однозначно вступила в эпоху, которую потом стали именовать научно-технической революцией (НТР). К концу же 50-х годов Япония по темпам роста обогнала страны Западной Европы и США (и это несмотря на спад и кризисные явления 1954 и 1958 гг.). Именно наметившиеся с 50-х годов беспрецедентные темпы роста и привели к разговорам о «японском экономическом чуде». В 60-х годах реальные темпы роста в стране составляли прирост 10-11%, а к 1968 г. по экономической мощи Япония прочно заняла II-ое место в капиталистическом мире. Прирост ВВП в 1968 и 1969 составил максимум за всю историю японской экономики — соответственно 12,9% и 12,5%. Из-за кризисных явлений 70-х, начало которым было положено первым из «нефтяных шоков» 1973, а усугублено «высокой йеной» и вторым «нефтяным шоком» 1979 — экономика стабильно демонстрировала уже умеренный, прирост 5-6%-ый рост.

Ситуация 70-х годов, столкнув страну с целым рядом серьезных проблем, вынудила к усиленным поискам «нового лица» японской экономики в условиях умеренных темпов роста. Для начала 1971 год обрушил на Японию «шоки Никсона». Первый — налаживание американским партнером отношений с КНР вместо Тайваня. За ним последовал и второй — отмена золотого паритета доллара, став «долларовым шоком». Это в итоге ударило по йене, подняв ее, с привычной планки 360 йен к 1-му доллару — до уровня 308 йен за 1 доллар. Тогда «высокая йена» явилась лишь провозвестником проблем, связанных со скачками йены. Долгие десятилетия

Япония жила в ставших привычными условиях «стабильной йены». Связанные с колебаниями валютного курса проблемы пришлось пережить задолго до того — во время «начального периода оккупации». Если перед II мировой войной курс составлял припл. 1 йена к 1 доллару, то по окончании войны — уже 2 йены к 1 доллару. За три послевоенных года с 1945 по 1948 произошёл обвал йены в 180 раз, найдя выражение в курсе 360 йен к 1-му доллару. Это-то соотношение и оставалось стабильным на протяжении более чем двух десятилетий (собственно, период 1949-1971 и принято называть «периодом фиксированного курса йены»). Несколькими годами позже, помимо прочих кризисных явлений 70-х годов, первый «нефтяной шок» 1973-1974 привёл к взл. ту цен с 1-2 долларов до 11-12 долларов за баррель сырой нефти. «Второй нефтяной шок» лета 1979, связанный с событиями в Иране, вывел цены на уровень более 30 долларов за баррель. С последствиями Япония смогла справиться лишь к лету 80-го года.

Следует учитывать, что за последние четыре десятилетия (с начала 1970-х до 2010 г.) Японии пришлось несколько раз столкнуться и пережить такое явление, как скачки йены. Если говорить о самых значимых — остановимся на пяти резких скачках.

1) Уже говорилось, что с конца 40-х до начала 70-х годов курс йены составлял 360 ¥ за 1\$, а в 1971-1973 — взлетел до 260 ¥.

2) После некоторого нивелирования, в 1976-1978 последовал новый удар — с 290 ¥ до 190 ¥.

3) Очередной шок, это 1985-1987 — скачок с 240 ¥ до 120 ¥.

4) Пожалуй, самый обвальный удар, которого как всегда, не ждали, случился в 1994-1995, когда отношение йена—доллар, перевалив порог в 100 ¥ в конце 1994, к 19 апреля 1995 достигло уровня в 79,75 ¥. Учитывая то, что порог в 100 ¥ считался долгое время непереносимым для здоровья японской экономики, правительство сделало вс. возможное для оздоровления последней — в период 1998-2000 йена колебалась в диапазоне 120 ¥-103 ¥ (впрочем, в 1998 дохода и до 147 ¥); 2002-2004 — 130 ¥-100 ¥. В 2004-2007 последовал период некоторого падения йены до 124 ¥. Очередной колебательный подь, м начался с осени 2007.

5) 2009-2010 — на фоне мирового кризиса, произошёл очередной, пятый скачок йены (в связи с ипотечно-инвестиционным крахом Lehman-shock 2008 и Дубайским долговым кризисом = Dubai-shock 2009). В конце 2009 японская валюта уже переходила порог в 90 ¥ за 1\$, а 14 октября 2010 (хоть это был и лишь эпизод во время работы биржи) достигла показателя в 80 ¥. Очень важным кажется, что йена стойко держится в диапазоне 82-84 ¥ уже несколько месяцев (август—октябрь 2010), и японская экономика пока что в состоянии это переносить.

Заметим, что уже третий скачок йены в 1987 привёл к тому, что заработная плата в Японии в долларовом измерении стала самой высокой в мире. Впрочем, с уч. том значимых расходов на жизнь и цен на внутреннем рынке — вряд ли е. можно считать чрезмерной. Для предпринимателей высокая зарплата становится дополнительным бременем издержек, что вед.т и к необходимости производить товары с максимально высокой добавленной стоимостью, т.е. к очередным виткам перестройки производственной сферы Японии. Таким образом, перестройка экономики страны со сворачиванием ряда отраслей при разв. ртывании других сфер для Японии — непрерывный процесс уже как минимум с 60-х годов. Однако, не оста.тсь сомнений, что уровень обеспеченности среднего японца с середины

80-х можно считать весьма достойным и это могло бы создавать стимулы для поддержания стабильности политической системы со стороны среднестатистического обывателя.

Завершая обзор экономических тенденций 70-90-х годов, напомним, что период с «нефтяного шока» 1973 и до самого конца 80-х годов (в отличие от предшествующего периода «высоких темпов роста») — был периодом стабильного роста экономики в средних темпах. Именно на это время пришелся и так называемый период экономики «мыльного пузыря = bubble». Когда «мыльный пузырь» все же лопнул, с начала 90-х годов страна вошла в затяжной период «плохой конъюнктуры» фукэйки. Видимо, этот термин наиболее приемлем, поскольку именовать ситуацию «затяжным застоєм», все же неуместно. При относительных взлетах и падениях, данный этап не завершился и поныне. Начало фукэйки практически совпадает и с временной утратой власти ЛДП в 1993-1996. Но и по возвращении ЛДП к кормилу власти в 1996-2009 — страна так и не вошла в стадию очевидного экономического подъема.

* * *

На обозначенном ранее экономическом фоне — обратимся к рассмотрению политической ситуации в Японии. Как уже говорилось — первые решительные усилия по подъему страны из разрухи во времена «обратного курса» смогли обеспечить и начало экономической стабилизации, и движение к достижению определенности в политической жизни страны. Тенденция состояла в отказе от «излишней» послевоенной демократичности, версификации взглядов и пестроты политических организаций. К сер. 50-х годов завершилось размежевание основных сил в политике, что стало своеобразной «фиксацией» отхода от яркой палитры партийно-политической жизни первых лет оккупации.

В первые послевоенные годы большой популярностью пользовались левые силы. С одной стороны, социалисты, ведущие происхождение от разнообразнейших по политическим взглядам групп социалистов 20-30-х годов, что предопределило поведение партий социалистической ориентации на долгие десятилетия после войны. С другой стороны, небывальными темпами росла и популярность японских коммунистов. Почти все лидеры японской компартии, созданной в 1922 и успевшей до войны пережить периоды ликвидаторства и отзовизма — провели в тюрьмах чуть не два десятилетия и вышли на свободу только в 1945. Возродившаяся КПЯ поначалу имела беспспорный успех и привлекала массы. Это происходило даже несмотря на нечткость политической позиции и постоянные, нередко грубые ошибки в оценке политического курса. Однако, популярность КПЯ постепенно пошла на спад в условиях усиления влияния левоэкстремистских групп, стремившихся к неоправданному терроризму. Особо прославился в левом авантюризме и сектантском курсе на вооруженную борьбу СИДА Сигэо. Впоследствии, после его ухода в подполье, он был заочно исключен из КПЯ, но «летучие отряды» в горах, тренировавшиеся в метании бутылок с зажигательной смесью, надолго оставили негативный осадок на отношении к КПЯ рядовых японцев. Падение авторитета в массах привело к резкому падению численности КПЯ к сер. 50-х годов — до 30 с лишним тыс. человек (при том, что сразу после войны их ряды росли лавинообразно: дек. 1945 — 1 тыс. чел., февр. 1946 — 7 тыс. чел., конец 1946 — ок. 50 тыс. чел.). Впрочем, КПЯ и по сей день пользуется немалым уважением у японцев старшего поколения, которые с удивительным почтением неизменно заявляют

о «высокой интеллигентности» лидеров этой партии. Так что увлечение марксизмом не прошло для Японии бесследно (причем, в самых разных отношениях).

К 1955 г. сложились условия для формального объединения в рядах одной партии правого и левого крыла Социалистической партии Японии (далее — СПЯ). Это вызвало у правящих консерваторов стойкие опасения в усилении оппозиции — и в том же 1955 на базе двух консервативных партий, Либеральной и Демократической, была создана Либерал-Демократическая партия. Поэтому 1955 год и принято считать вехой, завершающей становление крупных противоборствующих лагерей на политической арене послевоенной Японии. Сложилась так называемая «система 1955 года», нередко именуемая и «полупарламентской системой». Уже начиная с мая 1946, со времени достижения относительной «политической стабильности в условиях оккупации», кабинеты министров попеременно возглавляли лидеры двух названных консервативных партий (Либеральной и Демократической) — за исключением единственного случая. С мая 1947 по май 1948 премьер-министром Японии был лидер СПЯ — КАТАЯМА Тэцу. С 1955 же года, в течение более полувека вплоть до 2008 г. — кресло премьера прочно занимали представители ЛДП. Исключение составляет лишь краткий период сумбура в 1993-1996. Только в эти годы кресло премьера принадлежало представителям других партий (ХОСОКАВА Морихиро из Новой партии Японии; ХАТА Цутому, возглавлявший тогда Японскую партию обновления Синсэй-то 新生党; МУРАЯМА Томиити из СПЯ). Со столь же завидной стабильностью, вплоть до последнего времени, самую мощную силу оппозиции представляла СПЯ. Ее представители занимали кресло премьера лишь дважды за послевоенную историю: КАТАЯМА Тэцу в 1947-1948 и МУРАЯМА Томиити в 1994-1996. Прочие партии оппозиции не имели заметной численности в парламенте и могли рассчитывать на весомое оппозиционное противодействие при условии блокирования с другими оппозиционерами. Именно поэтому система и получила название «полупарламентской». Одна — постоянно находившаяся у руля ЛДП, плюс — постоянно составлявшая ей оппозицию, но обычно не побеждавшая на выборах СПЯ. На протяжении 50-70-х годов имела место тенденция к падению электората ЛДП, вызывавшая у ее лидеров беспокойство. Это обусловило стремления к поиску диалога с СПЯ на уровне формирования отношения к ней, как к партии, которая могла бы чередоваться с ЛДП у кормила власти (пост премьера). Тенденция так и не нашла позитивного восприятия у СПЯ, но способствовала укреплению иллюзий о стойкой «полупарламентской системе». Фактически предполагалась бессменность лидирующей в парламенте политической партии.

Впрочем, на фоне двух нефтяных шоков 70-х годов и регулярных экономических неурядиц говорить о стабильном позитивном отношении японцев к правящей партии было бы, конечно, сложно. Но тем не менее, уже с 70-х годов наметилась тенденция к росту уровня поддержки ЛДП. Эта своего рода «новая консервативная волна» была вызвана и очередным этапом развития научно-технической революции, который привел к общему росту доходов населения. Утверждения о складывании в сер. 80-х годов «общества благосостояния» (welfare), теории общества «среднего класса» — в значительной мере могут быть оправданы тем, что к середине 80-х впервые в истории уровень доходов, заработной платы в Японии стал действительно высоким и вполне отвечающим интересам среднего обывателя в стране с высокоразвитой экономикой. Имело место и изменение первоочередных жизненных ориентиров: от стремления служить обществу упорным трудом — к желанию наслаждаться

«вкусом жизни») икигай 生き甲斐. Безусловно, все это в комплексе — вполне могло обеспечить рост поддержки правящей консервативной партии, т.е. ЛДП. Но укрепление позиций консерваторов было недолговечно. Вернувшись к ситуации 60-70-х годов, можно обратить внимание на складывание партий «центра»: Партия Демократического Социализма (1960), Социал-Демократический Союз (1978), возникшая на базе буддийской организации Сока-гаккай «Партия чистой политики» Комэйто (1964), Новый Либеральный Клуб — некоррупцированная альтернатива ЛДП в 1976-1986. Ряд из них в разные периоды был способен блокироваться с противниками как правого, так и левого толка. При оппозиционном значении, следует учитывать и их готовность поддержать партию правящую (сообразно ситуации). В целом, партийно-политическую ситуацию 60-70-х, и даже 80-х годов можно оценивать как период относительно стабильного существования партий правого, левого крыла и «центра». Но уже к середине 80-х вновь заговорили о существовавшей не первое десятилетие тенденции к дроблению оппозиции на ряд мелких независимых партий. Ситуация стала еще, кардинальнее меняться на рубеже 80-90-х годов — в связи с появлением целого сонма новых партий и групп. При заметном ослаблении влияния партий «с опытом» — силу набирают именно новые партии. На этом фоне в 1993 году и произошел обвал — впервые с 1955 г. ЛДП потерпела сокрушительное поражение на выборах. Формирование коалиционного кабинета министров было поручено лидеру новой партии Японии, ХОСОКАВА Морихиро. С трудом пережив шок, ЛДП предприняло максимум усилий для возврата утраченных позиций. В итоге Хосокава был вынужден расстаться с креслом премьер-министра. Его противники умело воспользовались ситуацией с урожаем риса в стране, а также притянутым к делу скандалом о давних «финансовых махинациях» Хосокава. Это было вполне в духе японских политических игр, хотя и явно не сочеталось с образом свободного от коррупции нового крупного политика, каковым был Хосокава. Как уже упоминалось, затем последовали еще два кабинета, не связанных с ЛДП. Но с 1996 г. ЛДП удалось вернуться к власти, опять же бесценно удерживая ее, вплоть до 2009 г.

Партийно-политическая ситуация на сегодня выглядит чрезвычайно разнообразно и пестро (по данным на 24 октября 2010). Двумя партиями, лидирующими по числу мест в Парламенте (всего 722 места в обеих палатах) являются правящая Демократическая партия Японии (412 мест) и ЛДП (201 место). Претензии прочих партий на получение большинства при следующих выборах вряд ли могут оцениваться как реальные. Третьей по числу мест идет ориентирующаяся на «буддийскую демократию» и «средний путь» Комэйто (40 мест). Представители еще трех партий не имеют в Парламенте и двух десятков мандатов: «Партия всех = Твоя партия» Минна-но то — 16 мандатов, у КПЯ — 15, у Социал-Демократической партии — 10. Кроме того, от 1 до 6 мандатов имеют Новая народная партия, Поднимающаяся Япония, Новая партия РЕФОРМЫ, Новая партия ЯПОНИЯ, Новая партия БОЛЬШАЯ ЗЕМЛЯ, Общественная массовая партия Окинава, Партия воплощения счастья. В общей сложности, в Парламенте представлено 13 партий. Все новые, если не считать трех — воссозданную в 1998 Комэйто (являющуюся продолжательницей прежней Комэйто, 1964 года образования), ЛДП, ведущую происхождение с 1955 и КПЯ, учрежденную еще, в 1922 (впрочем, упомянутая Массовая партия Окинава возникла в 1950). Из остальных 2 партии — созданы во второй половине 90-х, а оставшиеся 7 — с 2005 по 2009 год. Можно добавить, что существует 4 партии из числа ранее имевших представительство в Парламенте, а также еще, как минимум 13 партий, претендовавших на парла-

ментские мандаты (включая Партию Улыбки). Обобщая, заметим, что общее число упомянутых здесь партий превышает два с половиной десятка. В действительности, политических организаций и групп, принимающих участие в политической жизни страны — больше во много раз. Но вс, -таки рано утверждать, что «полупартийная система» осталась для Японии в прошлом. Возможно, спустя несколько лет (или десятилетий) будет вновь уместно говорить о полупартиях (только уже не ЛДП и СПЯ). Сильна и вероятность того, что это будут нынешние лидеры — ДПЯ и ЛДП. Так что говорить о крахе «системы 1955 года», видимо, преждевременно. Реально и допущение, что на политической арене Японии может сложиться система двух партий, попеременно сменяющих друг друга — при существовании массы более слабых группировок, которые порой не всегда способны сопротивляться партиям-лидерам даже при условии блокирования малых партий.

Приход к власти ДПЯ стал реальностью после 30 августа 2009, когда на выборах в ключевую Нижнюю палату Парламента ей удалось получить свыше 300 мандатов из 480. Тем самым, как ведущая партия в Парламенте, ДПЯ получила право определить премьер-министра (простым большинством голосов). Таковым стал 62-летний ХАТОЯМА Юкио, являвшийся Генеральным секретарем ДПЯ (вторым лицом в партии). За избрание его премьером проголосовало 327 из 480 депутатов нижней палаты (первый случай подобного единодушия за всю японскую историю). Его политическая карьера началась поздно, в 1986 (ранее он активно занимался научной деятельностью). В 1993, покинув ЛДП, он с рядом сторонников вошел в новую партию «Пионер» Сакигакэ (в свое время представленную в 8-партийном коалиционном правительстве Хосокава, обрушившего власть ЛДП в 1993). Фамилия Хатояма известна в Японии и России, прежде всего, благодаря деду — ХАТОЯМА Итиро, трудами которого в 1956, в бытность его премьер-министром, были восстановлены дипломатические отношения СССР и Японии, оборвавшиеся с началом II мировой войны. Достижения ХАТОЯМА Итиро тем более значимы, что предполагавшемуся далее подписанию мирного договора так и не суждено было стать реальностью (ввиду муссируемого японской стороной «вопроса» о принадлежности 4 островов Курильской гряды). Восстановление дипломатических отношений — стало тем минимумом, который обеспечивает поддержание отношений между нашими странами по сей день. Кабинет ХАТОЯМА Юкио находился у власти с 16 сентября 2009 по 8 июня 2010. К числу задач на посту премьера он отнес и диалог с Россией вокруг Курил. Укрепление отношений с нашей страной выдвинулось ему тем более важным, поскольку до занятия поста премьера он являлся президентом общества «Япония—Россия». Историю ухода ХАТОЯМА Юкио с поста премьера, видимо, следует начинать с околокоррупционных скандалов вокруг ОДЗАВА Итиро (одного из лидеров ДПЯ), интерес к которым обострился в январе 2010. Раздувание шумихи было продолжено потом и вокруг имени Хатояма, обвинявшегося в уклонении от уплаты налогов с сумм, полученных на протяжении ряда лет «группой поддержки» Хатояма. Полностью доверявший ведению дел секретарям — премьер оказался под шквалом нападок противников. При, м, давно известный в «политических играх» Японии — скандалы со взятками от компаний Локхид в 1976 (бывший премьер ТАНАКА Какуэй) и Рикруто в 1988 (премьер ТАКЭСИТА Нобору и др.), обвинения в финансовый нечистоплотности ХОСОКАВА Морихиро на рубеже 1993-1994 и проч. Реальным мотивом для ухода в отставку Хатояма стала необходимость не потерять лицо и сохранить власть

у ДПЯ — премьеру не удалось выполнить предвыборные обещания (каковых было много), в частности, вывести с Окинава американскую военную базу Футэмма.

С июня 2010 премьер-министром становится один из ближайших сподвижников Хатояма по ДПЯ — НАОТО Кан. После того, как 14 сентября 2010 г. Наото был переизбран лидером ДПЯ, его кабинет претерпел некоторые преобразования. В целом стремясь продолжать дело своего предшественника, Наото вынужденно сталкивается с рядом текущих политических и экономических осложнений — трения с Китаем, проблемы падения доллара и, соответственно, рост курса йены. Так, 15 октября 2010 г. Японии впервые за 6 лет пришлось прибегнуть к валютной интервенции во имя поддержания йены. Тем не менее, йена продолжает расти. Трудно дать гарантии — долго ли удастся нынешнему премьеру удерживаться на своем посту (в том числе, и с учетом громкой шумихи вокруг посещения Курил Президентом РФ в ноябре 2010).

* * *

Дальнейшие насущные проблемы современной Японии. Завершая обзор, следует остановиться на тенденциях, имеющих отношение не только к экономической и политической, но и к социальной сфере жизни Японии сегодня.

Уже несколько десятилетий за пределами Японии весьма популярен миф о японской системе менеджмента. Написан ряд монографий о ее уникальности, ведущие западные фирмы пытаются внедрить у себя ее аналоги. Условия пожизненного найма, ощутимый прирост зарплаты в соответствии с выслугой лет, привлечение всех сотрудников к повышению конкурентоспособности продукции (методом создания кружков качества), всемерное укрепление «чувства коллектива», плановки с пением гимна фирмы и корпоративный «отдых» (в том числе ежевечерний)... Можно вспомнить и о том, как в свое время японцы активно привлекали опыт соответствующей деятельности в Советском Союзе — изучение стахановского движения, форм социалистического соревнования, внедрение в Японии 5-ти и 10-летних планов развития экономики... Однако, на протяжении по крайней мере последних двух десятилетий — Япония все более отходит от этой системы, несмотря на почти повальное увлечение ею европейцев и американцев. Система пожизненного найма терпит крах. Рядовой японец не может быть уверен в постоянном месте работы, когда множество знакомых уже уволены. И эти проблемы начались значительно раньше столкновения с последним кризисом.

Однако, экономика Японии продолжает сохранять ряд специфических черт. Остаются и мощная плановость (связанная с механизмами государственно-монополистического регулирования), и жесткость (обусловленная опорой на этнопсихологические особенности японцев: коллективизм, патернализм, механизмы социализации, статусность, чувство долга и сыновняя почтительность). Японская экономика продолжает оставаться достаточно «закрытой» — даже при заявленной с начала 90-х годов в качестве лозунга интернационализации кокусайка. Проникновение на японский рынок продукции зарубежных производителей крайне затруднено. Приходится признать высокую технологичность производственной сферы, но уже не один десяток лет Япония отдала, от себя отдала в слабости фундаментальных научных разработок в стране.

Социальная сфера также обременена тяжелым грузом проблем. Очень заметными стали процессы старения японской нации — и на этом фоне возникла

новая сложность, катастрофическое опустошение фондов пенсионного обеспечения. Еще в 90-х годах японцы впервые заговорили о том, что общество впало в состояние «мирной дремоты» хэйва-бокэ, когда безмерная загрузка работой, размеренная спокойная и обеспеченная жизнь — стали вести к разрушению важнейших социальных связей в обществе, связей семейных. Превращение обеспеченных подростков в малолетних преступников, отрыв занятых на работе взрослых от собственных родителей и прочей родни (жизненный цикл японца обычно связан с перемещениями по стране, рано заставляя покидать родные края). Поражают и обнаружившиеся летом-осенью 2010 скандалы с многолетним получением пенсий давно умерших «старичков» их родственниками при замалчивании фактов смерти перед официальными инстанциями. Распад в послевоенный период большой патриархальной семьи был продолжен в 80-90-е резким ростом числа нуклеарных семей (супруги и их дети) — при ослаблении регулярного тесного общения даже и в е, рамках (родители всегда на работе, а дети — у репетитора). На детях это в разные годы сказывалось разными перекосами в развитии — от «теледетшек», не отрывавшихся от экрана телевизора до подростков, не ведающих ничего, кроме экрана компьютерного монитора. В настоящее время речь идет даже о такой проблеме, как деформация больших пальцев рук у подростков и детей ввиду повального увлечения перепиской на мобильных телефонах. Супружество без детей во имя высоких заработков — тоже устоявшаяся реальность (родители DINKs = Double Income No Kids). Приходится вспомнить и о более позднем заключении браков, равно как и об отказе от брака вообще во имя личного комфорта. Вполне уместно признать вопиющим ослабление традиций в рамках семьи — при суровом их внедрении и поддержании в рабочем коллективе. Личную жизнь японца всегда отличала закрытость, своего рода «духовный индивидуализм», что разными путями вело к погружению в собственный внутренний мир. Такие пути сегодня иногда помогают снять стресс обращением к искусству аранжировки цветов икэбана, чайной церемонии, каратэ, айкидо, гольфу и проч. Но порой приводят и к пополнению рядов бомжей хомурэсу. Молод же, не нашедшая стабильной работы до 30 лет — перебиваясь заработками «лишь бы еду хватило», также может часто восприниматься, как новое их пополнение. Японская статистика утверждает, что в стране резко выросло число «домашних затворников» хики-комори, не покидавших сво, жилище на протяжении полугода и более (почти 700 тыс. чел. на осень 2010). Видимо, принятые в Японии жесткие социальные рамки, в одних случаях имея высокий КПД и принося эффективность экономике и стабильному социуму — в других случаях наносят непоправимый урон, способствуя разрушению не только семьи (логичное продолжение — «и государства»), но и личности.

Сложившийся круг проблем экономической и социальной сфер неизбежно влечет (на фоне затянувшейся стагнации вкупе с последовавшим кризисом) усугубление и проблем функционирования политико-административных механизмов. С укреплением на политической арене влияния Демократической партии Японии — навязчиво зазвучали высказывания о переходе страны от прежней «полупарламентарной системы» 1955 года к «двухпартийной системе». В действительности ситуация, видимо, значительно более сложна. Вполне возможно, что Япония все глуже интегрируется в мировое сообщество: и не только на экономическом либо политическом уровне — а и на уровне социокультурном. Выстраивать далеко идущие прогнозы на основе предположений — занятие неоправданное. Важнее сохра-

нить стремление держать руку на пульсе текущих изменений, понимать их связь с сохраняющими силу национальными традициями и особенностями этнических стереотипов поведения — суметь оценить насущные перспективы.

* * *

Изучение тенденций политико-экономической жизни современной Японии проиллюстрировано в трудах отечественных исследователей: Кистанова В.О., Молодяковой Э.В., Маркармян С.Б., Османова Е.М., Сенаторова А.И., Стрельцова Д.В., Цветовой И.А. и др. Она широко освещена и у англоязычных авторов. Нельзя обойти стороной и множество научных, популярных статей и публикаций в прессе. Значительный пласт материалов может быть уточнен и выверен и благодаря наличию японской сети Интернет. Данные часто сильно различны по жанрам — от научных и аналитических исследований до политических и пропагандистских по стилистике сайтов. Если ориентироваться только на отечественных ученых — то круг соответствующих специалистов крайне узок. Тем не менее, направление остается остроактуальным и весьма злободневным — ввиду прямой связи с внешнеполитическим курсом Японии.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы современной Японии. Вып. XXIV. М.: ИДВ РАН, 2009. С.236.
2. Журн. «Знакомьтесь — Япония».
3. Журн. «Japan Echo».
4. Мак-Клейн, Джеймс Л. Япония: От сунгата Токугавы — в XXI век / Пер. с англ. Е.А.Красулина. М.: АСТ: Астрель, 2006. С.895.
5. Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркармян С.Б. История Японии: XX век. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2007. С.528.
6. Османов Е.М. Учебное пособие по курсу «Государственный строй и политические партии современной Японии». СПб.: СПб госуниверситет, 2008. С.194.
7. Прасол А.Ф. Япония: лики времени. Менталитет и традиции в современном интерьере. М.: Наталис, 2009. Изд. 2-е, дополн. С.416.
8. Япония: Ежегодник, 1972, 1973, 1974, 1975, 1976, 1977, 1978, 1979, 1980, 1981, 1982, 1983, 1984, 1985, 1986, 1987, 1988, 1989, 1994-95, 1999-2000, 2000-2001, 2002-2003, 2004-2005, 2006, 2007, 2008, 2009.
9. Япония наших дней. 1, 2009. М.: ИДВ РАН, 2009. С.152.
10. Япония от А до Я — популярная иллюстрированная энциклопедия / Главн. ред. Перфильев В.О. М.: изд-во «Япония сегодня», 2000. С.640.
11. Япония, открытая миру / Рук. проекта Э.В.Молодякова. М.: АИРО-XXI, 2007. С.308.

**КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ ПОДГОТОВЛЕНА
И ИЗДАНА ПРИ ПОДДЕРЖКЕ СПБГУ**

**ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ УЧЕНОГО СОВЕТА
ВОСТОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Редакционная коллегия:

Е.И.Зеленев (председатель), В.В.Бочаров, Н.Н.Дьяков, А.Ю.Желтов, В.Б.Касевич,
В.Н.Колотов, А.В.Ляхович (отв.секретарь), А.В.Образцов, Н.А.Самойлов,
А.Г.Сторожук

Рецензент

к.и.н., М.Е. Резван — заведующая отделом этнографии Центральной Азии Музея
антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

*Основные тенденции политического и экономического развития стран
современной Азии и Африки СПб.: СПбГУ, Восточный факультет;
Изд-во «Студия НП-Принт», 2011.*

Оригинал-макет подготовлен
ООО «Студия «НП-Принт»
Верстка Кузьмичев Д.А.
Тираж 200 экз.
Заказ № 20/03

Отпечатано в типографии
ООО «Студия «НП-Принт»
190005, Санкт-Петербург
Измайловский пр., 29
Тел. (812) 324-65-15
luda@npprint.com